

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Лёжа на гумне в омете, долго читал – и вдруг возмутило. Опять с раннего утра читаю, опять с книгой в руках! И так изо дня в день, с самого детства! Полжизни прожил в каком-то несуществующем мире, среди людей, никогда не бывших, выдуманных, волнуясь их судьбами, их радостями и печальми, как своими собственными, до могилы связав себя с Авраамом и Исааком, с пелазгами и этрусками, с Сократом и Юлием Цезарем, Гамлетом и Данте, Гретхен и Чацким, Собакевичем и Офелией, Печориным и Наташей Ростовою! И как теперь разобраться среди действительных и вымышленных спутников моего земного существования? Как разделить их, как определить степени их влияния на меня?

Я читал, жил чужими выдумками, а поле, усадьба, деревня, мужики, лошади, мухи, шмели, птицы, облака – всё жило своей собственной, настоящей жизнью. И вот я внезапно почувствовал это и очнулся от книжного наваждения, отбросил книгу в солому и с удивлением и с радостью, какими-то новыми глазами смотрю кругом, остро вижу, слышу, обоняю, – главное, чувствую что-то необыкновенно простое и в то же время необыкновенно сложное, то глубокое, чудесное, невыразимое, что есть в жизни и во мне самом и о чём никогда не пишут как следует в книгах.

Пока я читал, в природе сокровенно шли изменения. Было солнечно, празднично; теперь всё померкло, стихло. В небе мало-помалу собрались облака и тучки, кое-где, – особенно к югу, – ещё светлые, красивые, а к западу, за деревней, за её лозинами, дождевые, синеватые, скучные. Тепло, мягко пахнет далёким полевым дождём.

В саду поёт одна иволга.

По сухой фиолетовой дороге, пролегающей между гумном и садом, возвращается с погоста мужик. На плече белая железная лопата с прилипшим к ней синим чернозёмом. Лицо помолодевшее, ясное. Шапка сдвинута с потного лба.

– На своей девочке куст жасмину посадил! – бодро говорит он. – Доброго здоровья. Всё читаете, всё книжки выдумываете?

Он счастлив. Чем? Только тем, что живёт на свете, то есть совершает нечто самое непостижимое в мире.

В саду поёт иволга. Всё прочее стихло, смолкло, даже петухов не слышно. Одна она поёт – не спеша выводит игривые трели. Зачем, для кого? Для себя ли, для той ли жизни, которой сто лет живёт сад, усадьба? А может быть, эта усадьба живёт для её флейтового пения?

«На своей девочке куст жасмину посадил». А разве девочка об этом знает? Мужiku кажется, что знает, и, может быть, он прав. Мужик к вечеру забудет об этом кусте, – для кого же он будет цвести? А ведь будет цвести, и будет казаться, что недаром, а для кого-то и для чего-то.

«Всё читаете, всё книжки выдумываете». А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная мука – вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твоё и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!

(И. А. Бунин, «Книга»)

Большая часть этого текста представляет собою размышление рассказчика «про себя», как бы разговор с самим собою. Как называется такой приём изображения в произведении речи героя?